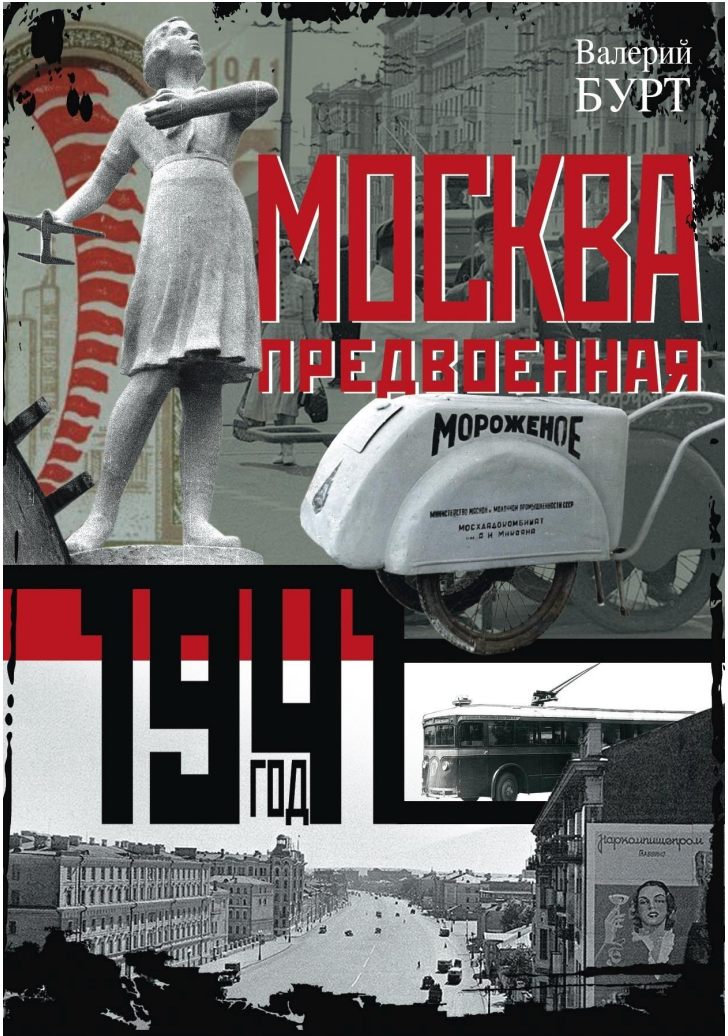

Валерий БУРТ

МОСКВА ПРЕДВОЕННАЯ

1941 ГОД

ЖИЗНЬ И БЫТ МОСКВИЧЕЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Валерий Израилевич Бурт

Москва предвоенная. Жизнь и быт москвичей в годы великой войны

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37943535
Москва предвоенная. Жизнь и быт москвичей в годы великой войны:
Центрполиграф; М.; 2018
ISBN 978-5-227-07866-7

Аннотация

Москва 1941 года – трагическое время, когда на столицу надвигался враг. Однако война остается вне книги, она лишь эхо – нарастающее, тяжелое, повергающее в отчаяние. Это эхо доносится со страниц газет, летит из черных, зловещих тарелок радио, складывается из воспоминаний, разматывается из клубков слухов. Мы в курсе того, что происходило на фронтах, знаем о стратегии и тактике военных. Известны подвиги советских воинов, партизан, мирных жителей. Опубликованы документы, свидетельства очевидцев о жизни на временно оккупированных врагом территориях. Главные герои этой книги – москвичи, чей привычный быт в июне 1941 года резко изменился, а потом рухнул. Но они выстояли и выстрадали большую Победу в длинной и страшной войне.

Содержание

Зловещее эхо войны 8
Отсвет зарниц 10
Гениальное решение 17
Время не ждет 20
Бурные аплодисменты 24
Отгулы и прогулы 27
Житье-бытье 29
Европа в огне 34
В главных ролях 37
Бои на зеленом поле 42
Тишина в зале 50
Стол на шестерых 53
Именем вождя 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Валерий Бурт
Москва предвоенная. Жизнь и быт москвичей в годы великой войны

© Бурт В.И., 2018
© «Центрполиграф», 2018

* * *

Зловещее эхо войны
От автора

Предмет авторского и, надеюсь, читательского интереса – Москва 1941 года – трагическое время, когда на столицу надвигался враг. Однако война остается вне книги, она лишь эхо – нарастающее, тяжелое, повергающее в отчаяние. Это эхо доносится со страниц газет, летит из черных, зловещих тарелок радио, складывается из воспоминаний, разматывается из клубков слухов.

Мы, нынешние, далеко не все знаем о происходившей свыше семидесяти лет назад великой драме. Мы в курсе того, что происходило на фронтах, знаем о стратегии и тактике военных. Известны подвиги советских воинов, партизан, мирных жителей. Опубликованы документы, свидетельства очевидцев о жизни на временно оккупированных врагом территориях. Обнародованы и многочисленные факты зверства оккупантов, их варварские планы. В общем, мы не до конца, конечно, но в общих чертах представляем, какой тяжелой и страшной ценой была добыта Победа в Великой Отечественной войне.

Однако не много известно о том, как жили, точнее, выживали люди в тылу, в частности в Москве во время войны. Сведения есть, но они немногочисленны, разрозненны. Ав-

тор по мере сил стремился собрать их воедино и реконструировать хронику тех неповторимых дней. Но, конечно, многое из того, что важно и представляет немалый интерес, до сих пор спрятано под замками секретных архивов. Это и горькое сожаление, и грустная констатация, ибо все мы вправе знать гораздо больше о трагедии, выпавшей на долю наших предков.

Главные герои книги – москвичи, чей привычный быт в июне сорок первого резко изменился, а потом рухнул. Наступило время лишений, тревог, напряженного ожидания новостей с фронта. В конце концов они выстрадали первую большую Победу в длинной и страшной войне. Однако, если смотреть правде в лицо, далеко не все были оптимистами и верили в грядущее избавление от несчастий.

Стоит заметить, что время работы над этой книгой было нелегким для автора. Было трудно без волнения, а порой и трепета читать хронику того времени, хотя в ней не содержится каких-то страшных, леденящих душу подробностей. Вероятно, схожие чувства испытают и читатели этой документальной повести.

Отсвет зарниц

Сорок первый – синоним огромной беды, знак несчастья. За двумя цифрами – громадье убитых, раненых, искалеченных, обездоленных. Но война ворвалась на нашу землю во второй половине года, в конце июня. О ее приближении говорили и раньше, но – урывками, между прочим, как говорят о наступающих жгучих морозах или аномальной жаре. В кинотеатрах перед веселыми фильмами часто показывали военную кинохронику – с бомбежками, обстрелами, изувеченными телами, плачущими людьми. Мировая война давно уже полыхала окрест – в Европе, Азии, Африке. Люди вздыхали, ужасались и облегченно вздыхали: это – там. И надеялись, что никогда не будет – здесь.

На газетных полосах теснились сообщения, сводки, реляции с многочисленных театров военных действий. Но глаза привычно скользили по ним и перескакивали на другие заметки – привычные, будничные. Война была рядом, у дверей, но топталась у порога. Казалось, ей не дадут войти. Да и с кем воевать? С немцами – пакт о ненападении, другим же империалистам вроде Англии не до нас – ей бы самой от Гитлера уберечься.

Да и разве может кто-то посягнуть на великий Советский Союз, у которого есть замечательная, славная Красная армия?! Но если и отыщется такой безумец, то крепко получит

по шапке. Доблестные танкисты, летчики, кавалеристы, пехотинцы погонят врага с нашей земли!

Москва. 1940 г.

Впрочем, были и те, кто сомневался в мощи державы. Вспоминали недавнюю войну с маленьким северным соседом и говорили – шепотом, украдкой, чтобы не замели в НКВД, – что сопротивлялись финны, или, как их там, белофинны, долго и упорно. И по слухам, в заснеженных лесах и полях Суоми полегло немало красноармейцев…

Впрочем, Финскую кампанию многие уже подзабыли. Исчез в снежной пелене 1940-й. Ему на смену пришел 1941-

й. Бьют куранты, звенят бокалы. Здоровья и счастья, товарищи, пусть, как прежде, царит мир на нашей земле!

Как принято, граждане СССР встречали Новый год за праздничным столом. Однако застолье не затянулось допоздна – одарили друг друга пожеланиями, выпили-закусили, потанцевали под патефон и – спать. Ведь 1 января – рабочий день. Опаздывать нельзя – нравы суровые…

Кстати, праздников и, соответственно, дней отдыха перед войной было мало. Два – в мае в честь весны и труда, столько же в ноябре в ознаменование Октябрьской революции, один в декабре, чтобы поднять бокалы за самую справедливую конституцию в мире – Сталинскую. Был в календаре еще один праздник – 22 января. В тот день полагалось поминать Владимира Ильича Ленина и жертв Кровавого воскресенья 9 января 1905 года. Странное торжество, да ладно, зато выходной…

1941-й – год Змеи. Впрочем, тогда гороскопами не увлекались, да и не знали граждане СССР, что каждый год – символ какого-то животного. Узнали бы, верно, усмехнулись, мол, буржуазные штучки. Главное – любить Родину, трудиться на ее благо, укреплять оборону страны. И – сохранять бдительность.

Уже спустя много лет вспомнили, что сорок первый – год Змеи. И уловили в том зловещий смысл. Но ведь были и другие времена «правления» той же Змеи, когда все бывало тихо и благостно. Так же – в годы Тигра, Крысы, Дракона…

«Новый, 1941 год мы с мужем встречали в ВТО с Раевским, – писала в своих мемуарах под названием «Грустная книга» народная артистка СССР Софья Пилявская. – В глубине ресторана во всю стену был накрыт огромный стол, за которым Владимир Иванович (художественный руководитель МХАТа Немирович-Данченко. – *В. Б.*) устроил своим ученикам из Музыкального театра встречу Нового года.

За соседними «маленькими» столами сидели известные артисты, писатели, летчики. Было шумно и весело. Мы ходили поздравлять Владимира Ивановича, и он был приветлив, даже ласков.

Было уже поздно, когда мы, как обычно, пришли поздравлять Ольгу Леонардовну (народная артистка СССР Книппер-Чехова. – *В. Б.*). Когда мы пришли, у нее уже была часть гостей Тархановых во главе с самим Михаилом Михайловичем.

Никто из нас и не подозревал, каким страшным окажется этот год…»

Подобная фраза с различными вариациями повторяется во многих рассказах, воспоминаниях. Однако во многом 1941-й был обычным годом с привычными чертами – быта, работы, отдыха. Не только до июня, но и после. Даже когда ситуация дошла до крайности и враг появился там, где москвичи нынче отдыхают на дачах, в сплошной, казалось, беспросветности будней появлялись светлые пятна.

Пляж. 1941 г. До войны несколько дней

…В новогоднем номере «Правды» – дружеский шарж Кукрыниксов: у новогодней елки собрались известные люди: композитор Дмитрий Шостакович, писатель Михаил Шолохов, физик Петр Капица, его коллеги Георгий Флеров и Константин Петржак. Эти ученые работали в области атомной энергии и после войны стали лауреатами Сталинской премии.

Семен Кирсанов написал стихотворение, где были такие строки:

Мы в сорок первом свежие пласты
Земных богатств лопатами затронем.
И может, станет топливом простым

Уран, растормошенный циклотроном.
Наш каждый год – победа и борьба
За уголь, за размах металлургии!..
А может быть – к шестнадцати гербам
Еще гербы прибавятся другие…

Почему речь шла о ядерном топливе? Скорее всего, имелось в виду недавнее открытие советских физиков – спонтанное деление урана. Но это же государственный секрет! Впрочем, поэта могли в него не то что посвятить, а рассказать об изобретении в общих чертах. Ну а читатели пусть строят догадки.

В то время в СССР было действительно шестнадцать республик – РСФСР, Украина, Белоруссия и остальные плюс Карело-Финская, которая позже стала автономной. Но что означал намек на другие гербы? То, что к Союзу присоединятся другие страны? Сделают ли это добровольно, или Сталин их завоюет? И какие государства имелись в виду?

Другое стихотворение – молодого Павла Когана – тоже заставляет задуматься. Точнее, его последние строки:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтобы от Индии до Англии
Сияла Родина моя.

Ганг – река в Индии, за много тысяч километров от Со-

ветского Союза. Что нам там делать, с кем сражаться, чтобы «сияла Родина моя»? Или пылкие строки поэта – лишь метафора?

Неясно. Но, хотя боевые трубы еще не запели, горнисты уже готовы трубить атаку. Правда, неясно, с кем придется воевать. Скорее всего, с заклятым другом Гитлером…

Гениальное решение

Прошли испытания самолета «103» – прототипа серийного фронтового пикирующего бомбардировщика Ту-102. Его создатель, 52-летний Андрей Туполев, после ареста в 1937 году находился в подмосковном поселке Болшево, где в лесу за забором с вышками размещалось «Особое техническое бюро при НКВД СССР» – так называемая «шарашка».

Суд над конструктором состоялся лишь в 1940 году. Его обвинили в создании шпионской организации, передававшей чертежи самолетов иностранной разведке. Приговор – пятнадцать лет лагерей. Звучит странно, но Туполева спасла война. Стране нужны были самолеты и вообще умные люди. Через месяц после начала Великой Отечественной он вышел на свободу.

В конце марта Сталин встретился с другим авиаконструктором – Александром Яковлевым, заместителем наркома авиационной промышленности, который несколько месяцев назад вернулся из командировки по Западной Европе, где знакомился с состоянием военно-воздушных сил Италии, Франции, Англии, Германии. ВВС первых трех стран его особо не впечатлили. А вот о люфтваффе Яковлев рассказывал с уважением. Он был удивлен, что немцы даже не считали нужным скрывать свои военные секреты. И показывали все, что интересовало советского специалиста.

Во время беседы Яковлев вспомнил, что еще во время войны в Испании преимущество немецких самолетов над советскими истребителями И-15 и И-16 было очевидным.

«Значит, вы считаете, что основная масса наших истребителей не может противостоять немецким?» – спросил Сталин.

«Им могут противостоять лишь наши новые истребители Миг, Як и ЛаГГ, которые появились в образцах лишь в 1940 году, но сейчас запущены в серийное производство, – ответил Яковлев. – К сожалению, товарищ Сталин, сравнение наших бомбардировщиков с немецким «Юнкерсом-88» тоже не в нашу пользу… Самолета же для взаимодействия с сухопутными войсками, подобного немецкому пикирующему бомбардировщику «Юнкерс-87», у нас нет».

«Выходит, мы правильно поступили, что в 1939 году заключили договор о ненападении с фашистской Германией, давший нам полтора года передышки?»

«Это было поистине гениальное решение, товарищ Сталин…»

Из доклада наркома обороны СССР Семена Тимошенко Сталину: «Главный Военный совет Красной армии, разобрав вопрос об авариях и катастрофах в авиации Красной армии, установил, что аварии не только не уменьшаются, но все более увеличиваются из-за расхлябанности летного и командного состава авиации, ведущей к нарушениям элементарных правил летной службы. Из-за расхлябанности ежеднев-

но при авариях и катастрофах в среднем гибнут 2–3 самолета, что составляет в год 600–900 самолетов. Только за неполный квартал 1941 года произошли 71 катастрофа и 156 аварий, при этом убито 141 человек и разбито 138 самолетов».

Время не ждет

Академик Александр Богомолец прочел лекцию «Борьба за долголетие», вызвавшую громадный интерес. Ранее он опубликовал монографию «Продление жизни», в которой обосновал возможность продолжения человеческой жизни до ста и более лет. Академик утверждал, что «взял смерть в осаду». В своем выступлении Богомолец обещал обнародовать сенсационные результаты опытов с открытой им антиретикулярной цитотоксической сывороткой, считавшейся не только лекарством широкого диапазона, но и средством для долголетия. И подчеркнул при этом, что «советские ученые не могут мириться с неоправданными смертями людей любой национальности».

Деятельность ученого заинтересовала Сталина – тот надеялся, что ученый продлит ему жизнь. Однако сам Богомолец неожиданно умер в 1946 году, когда ему было всего 65 лет. Вождь был очень недоволен: «Всех обманул!»

Лаборатория приемных устройств Московского телевизионного центра получила с ленинградского завода «Радист» первую партию настольных телеприемников с экраном размером 10 на 14 сантиметров. Как сообщали газеты, они предназначались для индивидуального пользования. Изображение могли смотреть одновременно несколько человек. Во время отсутствия телепередач аппарат работал как обыч-

ный радиоприемник.

Подобные телецентры работали не только в Москве, но и в Ленинграде. Немногочисленным зрителям показывали руководителей партии и правительства, ударников труда, демонстрировались художественные фильмы и телеспектакли. В роли ведущих выступали известные артисты. К примеру, артист МХАТа Иван Москвин прочитал рассказ Антона Чехова «Злоумышленник».

В столице прошла первая конференция радиозрителей, посвященная проблемам телевещания. Газеты описывали, как участники мероприятия слушали и видели выступающих, сидя у экранов своих телеприемников. Собравшиеся в студии телецентра наблюдали за действиями сложной аппаратуры, при помощи которой изображение и звук передавались в эфир.

Стоит заметить, что телеприемники стоили довольно дорого, а потому далеко не все могли их приобрести. И по тому в брошюрах для радиолюбителей публиковались инструкции по самостоятельной сборке телеприемников. Кстати, в то время еще не было слова «телевидение», в ходу было «дальновидение». А тех, кто смотрел в «ящик», называли, как уже было сказано, радиозрителями…

Над большими, важными проектами трудились ученые, архитекторы и строители. Выдавали продукцию сверх плана заводы и фабрики. Кипели небывалые стройки, поражавшие воображение.

В живописном районе Измайлова возводился огромный стадион с трибунами, верхними и нижними ярусами, украшенными башенками. Но – лишь с трех сторон, чтобы через полигон, расположенный рядом, на арену могли входить колонны солдат и военная техника. Планировалось, что сооружение вместит 120 тысяч зрителей, а в дни праздников – до 200 тысяч!

Вход планировалось украсить высокими колоннадами, арками и статуями, изображавшими Сталина и его соратников, рабочих, крестьян, физкультурников. Впрочем, стадион был лишь частью проекта, над которым работала бригада архитекторов во главе с Николаем Колли. Вокруг арены собирались возвести несколько десятков сооружений, в частности велодром, водно-лыжную базу на берегу пруда, тренировочные залы, спортплощадки, общежития для спортсменов.

Поскольку сюда должна была стекаться несметная людская масса, планировалось создать огромный наземный вестибюль метро «Стадион Сталина» с двенадцатью эскалаторами и проложить три пути для электропоездов.

Ничего подобного в мире еще не было. Этот грандиозный стадион должен был стать самой большой спортивной ареной не только Советского Союза, но и всей планеты.

Но гигантская стройка так и не была завершена. Может, «наверху» потеряли интерес к стадиону? И поняли, что Москве просто не осилить два мегапроекта? Ведь в то же время на месте снесенного храма Христа Спасителя шло

строительство Дворца Советов. Это здание с гигантской фигурой Ленина на вершине должно было взметнуться на высоту около полукилометра. Это строительство тоже законсервировали…

Стадион имени Сталина до сих пор напоминает о себе. Рядом с небольшим спортивным комплексом «Измайлово» стоят остатки бетонных блоков трибун. Они – словно памятник проекту архитектора Колли и его соратников…

Бурные аплодисменты

21 января Сталин присутствовал в Большом театре на торжественно-траурном заседании, посвященном 17-й годовщине со дня смерти Ленина. И здесь не обошлось без оценки международной ситуации. «Мы не можем безучастно смотреть на то, что происходит за советскими рубежами, – сказал, в частности, первый секретарь Московского обкома ВКП(б) Александр Щербаков. – Международная обстановка сейчас особенно сложна и чревата всякими неожиданностями. В этих условиях необходимо проявить усиленную бдительность…»

В феврале Сталин выступил на открытии XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). С докладами выступили кандидаты в члены Политбюро Георгий Маленков и Николай Вознесенский. На конференции много говорили об интенсивном развитии индустрии, в первую очередь отраслей оборонного значения. Был одобрен план развития народного хозяйства на 1941 год.

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О двадцатилетии Госплана», в котором, в частности, говорилось: «Опубликовать в «Правде» сообщение о том, что Госплан СССР по поручению ЦК ВКП(б) и СНК СССР приступил к составлению генерального хозяйственного плана на 15 лет – с 1943 по 1957 годы.

На конференции присутствовал бывший нарком авиационной промышленности Михаил Каганович – старший брат Лазаря Кагановича, ближайшего соратника Сталина, строителя московского метро, наркома путей сообщения. В январе 1940 года он был снят с должности и назначен директором авиационного завода № 124 имени Серго Орджоникидзе в Казани. В резолюции конференции «Об обновлении центральных органов ВКП(б)» один из пунктов звучал так: «Предупредить т. Кагановича М.М., который, будучи наркомом авиационной промышленности, работал плохо, что если он не исправится и на новой работе, не выполнит поручений партии и правительства, то будет выведен из состава членов ЦК ВКП(б) и снят с руководящей работы».

Несколько месяцев спустя Каганович-младший покончил с собой. По одной из версий, ему угрожал арест. И влиятельный брат за него не заступился…

Заместителю председателя Совета народных комиссаров, орденоносцу Клименту Ворошилову исполнилось 60 лет. С юбилеем его поздравили многие, в том числе советские писатели: «Вы, как верный сын большевистской партии, прошли славный путь от луганского слесаря до Маршала Советского Союза. Этот путь освещен немеркнущей славой Красной армии, славой Ваших побед…» Имя Ворошилова присвоено Академии Генерального штаба. Город Ворошиловград уже пять лет как существует…

Из дневника наркома тяжелого машиностроения Вяче-

слава Малышева: «Был с женой на товарищеском вечере в Кремле по случаю 60-летия т. Ворошилова К.Е. Несколько раз с тостами выступал тов. Сталин. В частности, он вновь возвратился к мысли о стариках и молодых. Он говорил, что «старики должны понять, что если молодых не допускать до руководства, то это – гибель. Мы, большевики, тем и сильны, что смело идем на выдвижение молодых. Старики должны охотно уступать власть молодым».

Указом Президиума Верховного Совета СССР народному комиссару внутренних дел СССР Лаврентию Берии присвоено звание Генерального комиссара государственной безопасности. Авторитет выдвиженца из Грузии растет.

Суровой чести верный рыцарь,
Народом Берия любим.
Отчизна славная гордится
Бесстрашным маршалом своим…

Песню о славном чекисте сложили поэт Александр Лугин и композитор Вано Мурадели.

На совещании партийного, советского и колхозного активов Киевской области первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Хрущев выступил с речью, в которой, в частности, сказал: «Я не раз слышал от товарища Сталина указание обратить внимание на кукурузу, всемерно развивать эту культуру, повышать ее урожайность…»

Вот откуда его страстное увлечение «царицей полей»!

Отгулы и прогулы

В справке отдела кадров МГК ВКП(б) «О выполнении предприятиями города указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», поданной 20 мая в МК ВКП(б), говорится, что трудовая дисциплина по сравнению с предыдущим годом в целом улучшилась. Однако количество прогулов снижается крайне медленно. Так, на заводе «Красный пролетарий» в феврале 1941 года не вышло на работу 66 человек, в марте – 74, в апреле – 98.

Многие историки подчеркивали, что перед войной на советских предприятиях царила суровая дисциплина. И за опоздание, тем более за прогул, можно было угодить за решетку. Порядки действительно были строгими, но все же не везде…

К примеру, работник фабрики «Звукозапись» Словуцкий как-то самовольно ушел с работы. Почти через час он вернулся, но – в нетрезвом виде. Инженеру другой фабрики, «Гознак», Попову было разрешено приходить на работу не в 7.30 утра, как полагается, а между 7.30 и 8.30. С работы же он уходил в установленное время. И так продолжалось до 16 мая 1941 года.

«На заводе «Пролетарский труд» Краснопресненского

района работал член партии т. Борисов, который от рядового слесаря вырос до начальника цеха, – говорилось в документе. – Он подал заявление: «Прошу уволить меня по собственному желанию ввиду того, что меня не устраивают условия работы». Директор завода т. Степанов написал: «Согласен». Также были уволены т. Тюльпин и другие, а всего на заводе за 1940 г. было уволено по собственному желанию 200 человек».

Как отмечалось в справке РК ВКП(б), «в последнее время резко ослабили борьбу за выполнение указа. Об этом свидетельствовал тот факт, что Коминтерновский, Ленинский, Октябрьский, Свердловский, Сокольнический, Таганский райкомы партии не обсуждали вопрос о трудовой дисциплине на бюро в течение 4 месяцев 1941 г. Отсюда, как следствие, и первичные партогранизации слабо боролись за выполнение указа…»

Отмечалось, что большое количество нарушителей дисциплины имеется среди комсомольцев. Райкомы ВЛКСМ ослабили внимание к этому вопросу, не ведут учета, затягивают рассмотрение дел и не помогают первичным комсомольским организациям в борьбе за реализацию указа.

По данным прокурора СССР Виктора Бочкова, на 1 января 1941 года за прогулы было осуждено 1 миллион 648 тысяч 575 человек, за самовольный уход с работы – 299 тысяч 942 человека.

Житье-бытье

С Химкинского аэродрома вылетела крылатая машина «СССР Н-169». На борту самолета – исследователи во главе с Иваном Черевичным. «Цель полета – произвести глубокую ледовую авиаразведку и дать для навигации 1941 года прогноз состояния арктических морей в высоких широтах, – писали «Известия». – Маршрут полета Архангельск, остров Рудольфа и дальше в высокие широты восточного сектора Арктики».

С вокзала в Вильнюсе ушел поезд, который повела Стефания Керулене. Это первая женщина-машинист в Литовской ССР. Мечта Стефании – стать водителем локомотива – исполнилась в Международный женский день 8 Марта.

В социалистическом договоре участника всесоюзного соревнования проходчика А.И. Мозырева сделана краткая запись: «Обязуюсь выполнить производственную программу не ниже чем на 300 процентов». Однако он потребовал от начальства «своевременной подготовки рабочего места и обеспечения… бурами и машинами».

Свое слово товарищ Мозырев сдержал, работая двумя телескопическими перфораторами по методу Семиволоса-Янкина. Он перевыполнил план – на целых 320 процентов! – и заработал за месяц 4330 рублей.

В Третьяковской галерее открылась выставка произведе-

ний советских художников. Хореограф Игорь Моисеев возобновил в Большом театре балет «Три толстяка». Футболистам московского «Динамо», чемпионам страны 1940 года, вручили алое знамя (медалями тогда не награждали), почетные грамоты, жетоны и красные майки с советским гербом.

Но жизнь отражалась не только на газетных страницах. Многие фиксировали свои мысли тайно, украдкой. За них можно было жестоко пострадать. Вот запись из дневника академика Владимира Вернадского от 21 января: «…Везде хаос. Кашинский (биохимик) жалуется на грубость Баха (академик, директор Института биохимии АН СССР. – *В. Б.*). Это модный теперь курс, взятый в Академии, – аналогичный тому яркому огрублению жизни и резкому пренебрежению к достоинству личности, который сейчас у нас растет в связи с бездарностью государственной машины. Люди страдают – и на каждом шагу растет их недовольство.

Полицейский коммунизм растет и фактически разъедает государственную структуру. Все пронизано шпионажем. Никаких снисхождений…

Всюду все растущее воровство. Продавцы продуктовых магазинов повсеместно этим занимаются. Их ссылают – через много лет возвращаются, и начинается та же канитель. Нет чувства прочности режима через 20 с лишком лет после революции. Но что-то большое все-таки делается – но не по тому направлению, по которому «ведет власть».

Вернадский, который вел дневник на протяжении по чти

всей жизни – с 1874 по 1944 год, то есть 70 лет, был традиционно резок в оценках существующего режима. Перед войной и особенно после ее начала непримиримая позиция ученого усилилась…

В феврале сорок первого на московском заводе имени Горбунова была обнаружена антисоветская листовка: «Товарищи, мы сейчас живем под гнетом, если раньше не сажали рабочих, то сейчас сажают за опоздание, гноят в тюрьмах, концлагерях. Труд человека ценят очень и очень плохо, у нас нет права на труд, на отдых, на образование. У нас пропала Конституция, остались одни указы, которые губят и превращают в ничто человечество…»

Задержали ли авторов воззвания? Вопрос без ответа. Известно лишь, что об этой листовке узнал от комсомольцев комсорг, некий товарищ Чуграй, который сообщил некоему члену ВКП(б) Дукаревичу. Ну а тот «просигнализировал» в районный отдел НКВД.

«Правда» сообщила, что Президиум Верховного Совета СССР по ходатайству руководящих советских и партийных органов переименовал город Риддер Казахской ССР Восточно-Казахстанской области в город Лениногорск. По сообщению той же газеты, кинематографисты Сергей Эйзен штейн, Григорий Александров, Михаил Ромм, Александр Довженко, Сергей Юткевич и другие, готовясь к празднованию 23-й годовщины создания Красной армии и Военно-морского флота и 20-летию пограничных войск НКВД, проведут в

феврале в подшефных воинских частях шесть тысяч киносеансов и две тысячи концертов.

Завершился четвертый съезд Союза воинствующих безбожников Узбекистана. Делегаты подвергли резкой критике работу Центрального совета и указали на неумение его членов организовать пропаганду среди верующих, на слабое вовлечение в активную работу союза научных работников, на компанейский характер борьбы с феодально-байскими пережитками в отношении к женщине. Надо полагать, после критики узбекские безбожники исправили свои ошибки, иначе им пришлось худо…

Советский народ полон оптимизма. Улыбается, а порой и посмеивается – например, над этой информацией. «Вечерняя Москва» сообщила, что льдиной, упавшей с крыши корпуса «Б» дома № 2/14 по Брюсову переулку, был убит вышедший из подъезда гражданин Абрамович. Остряки шутили, что в столице развелось столько евреев, что даже сосульке негде упасть.

Иностранных денег у граждан СССР нет и быть не может, но курс иностранной валюты регулярно печатается в «Известиях». 1 марта 1941 года «амер. долл. США за 1 (рубль. – *В. Б.*) – 5,30; англ. фунт ст. за 1 – 21,38; герм. марка за 100–212,00».

Февраль сорок первого выдался в Москве не слишком холодным – средняя температура месяца —10 градусов ниже нуля. Лесные массивы в столице и в Подмосковье заполнены

лыжниками. В «Сокольниках», парке Горького, на Чистых и Патриарших прудах – тогда последние назывались Пионерскими – гремела музыка, в пелене снежинок пролетали фигуры конькобежцев.

Даже в марте зима и не думала уходить, обдавала холодом, укрывала землю густым белым покрывалом. 12 марта писатель Михаил Пришвин, живший в Подмосковье, записал в дневнике: «Сутки целые без остановки снег и страшная метель…» Спустя три дня: «От весны только свет, и когда утром –20°, то знаешь – не страшно: в полдень будет 0. Каждый день валит снег. Сорока скучает возле пустого скворечника…»

Морозы стояли до конца марта. Тепло, да и то робко, заявило о себе лишь в начале апреля, снег же не таял почти до мая. Все мечтали, чтобы лето выдалось теплым. Хорошо бы в отпуск махнуть в тихую деревушку под Вологдой, Тверью или на Черное море…

А какая погода в столице Германии? «После теплых весенних дней в последние дни здесь наступило значительное похолодание, – сообщал корреспондент ТАСС. – В Берлине в ночь на 3 мая выпал снег». Но вскоре там снова потеплело…

Европа в огне

В феврале «Правда» сообщила о торжественном собрании в Берлине, посвященном 21-й годовщине основания Национал-социалистической партии, с речью выступил рейхсканцлер Гитлер. Он, в частности, затронул международные проблемы. Говоря об англичанах, Гитлер сказал: «Мы должны их бить там, где мы их найдем. И мы их найдем, куда бы они ни направлялись. Мы застанем их там, где удар будет для них наиболее уничтожающим».

Канцлер Германии ни единым словом не упомянул об СССР. Но произнес многозначительную фразу: «Нам предстоит новый год борьбы. Мы знаем, что он принесет с собой великие решения, и с уверенностью смотрим в будущее».

Военные действия в Северной Африке между немцами и англичанами развернулись в районе Тобрука и Соллума. Остатки королевских войск эвакуируются из Греции, недавно занятой войсками Гитлера. Вот характерная газетная заметка того периода: «Германское информационное бюро сообщает, что 9 мая германские пикирующие бомбардировщики совершили нападение на английский караван судов, проходивший южнее Мальты под охраной военных кораблей и истребителей. Германские самолеты потопили неприятельскую подводную лодку. Несколько бомб упало в непосредственной близости от одного эсминца. Надо полагать, что

этому кораблю причинены серьезные повреждения».

На острове Крит германские горные стрелки продолжали преследовать англичан. Они достигли бухты Армини и захватили большое количество пленных. Многочисленные соединения германских самолетов подвергли успешной атаке английские позиции на северном побережье острова, потопив торговый пароход и патрульное судно. Зенитной артиллерией сбито два английских самолета.

Немцы наступают повсюду – на суше, море, в воздухе. Люфтваффе продолжает бомбардировки Британских островов. Вот информация из «Правды»: «Английское министерство информации передает, что, по заявлению министерства внутренних дел и внутренней безопасности, в течение января во время воздушных налетов на Англию среди гражданского населения было убито 1502 человека и ранено 2012 человек».

Писатель Илья Эренбург переживает за британцев, хотя советская официальная пропаганда проявляет к ним холодное равнодушие. Да и не принято было выказывать сочувствие к стране, с которой у Советского Союза были неважные отношения. Поэтому стихотворение «Лондон» было напечатано уже после войны. Там были такие слова:

Не туманами, что ткали Парки,
И не парами в зеленом парке,
Не длиной, – а он длиннее сплина, —
Не трезубцем моря властелина, —

Город тот мне горьким горем дорог,
По ночам я вижу черный город,
Горе там сосчитано на тонны,
В нежной сырости сирены стонут,
Падают дома, и день печален
Средь чужих уродливых развалин…

И у другого поэта – Николая Тихонова – есть стихотворение, в котором он сочувствует британцам и намекает на то, что скоро подобное испытание придется пережить его соотечественникам. Оно увидело свет через несколько лет после Великой Отечественной:

Сквозь ночь, и дождь, и ветер, щеки режущий,
Урок суровый на ходу уча,
Уходит лондонец в свое бомбоубежище,
Плед по асфальту мокрый волоча.
В его кармане – холодок ключа
От комнат, ставших мусором колючим,
…Мы свой урок еще на картах учим,
Но снится нам экзамен по ночам!

В главных ролях

Много разговоров ходило о ленте «Суворов» в постановке Всеволода Пудовкина и Михаила Доллера. В фильме были заняты Николай Черкасов (Суворов), Юрий Ячницкий (Павел Первый), Михаил Астангов (граф Аракчеев). Музыку написал Юрий Шапорин.

Картина рассказывала о замечательном полководце, его славных кампаниях. Она была выпущена не к дате, а ко времени, которое становилось все более тревожным. Когда нужны ум, воля, смелость – как у славного генералиссимуса и доблестных воинов…

Перед войной был снят фильм «Морской ястреб». Приключенческая картина режиссера Виктора Брауна в какой-то мере предвосхитила события надвигавшейся войны. В Черном море появляется немецкая подводная лодка, замаскированная под парусник торгового флота, и нападает на иностранные торговые суда. На перехват «пирата» выходит советское судно «Вятка», переоборудованное в военный корабль. Морское сражение завершается в пользу краснозвездных моряков.

Фильм «Валерий Чкалов» рассказывал о легендарном летчике. Его образ воплотил на экране Владимир Белокуров. Картина быстро завоевала популярность и получила множество лестных отзывов. Однако не обошлось без критики.

Журнал «Знамя» писал: «При многих достоинствах фильм в постановке режиссера М. Калатозова вызывает некоторое неудовлетворение… Образ товарища Сталина, такой важный для раскрытия всего смысла фильма, получился недостаточно верным. К сожалению, артист Геловани, хорошо известный советскому зрителю своим ярким исполнением роли товарища Сталина во многих фильмах, в данной картине не полностью раскрыл все возможности прекрасного сценария».

Как видите, даже лауреаты Сталинских премий не были защищены от критики. И это несмотря на то, что Геловани долго был любимым актером Сталина. Но в какой-то момент тот решил, что Михаил Георгиевич не вполне соответствует образу вождя народов. По слухам, Сталин выразил недовольство председателю Комитета по делам кинематографии Ивану Большакову: мол, у Геловани сильный грузинский акцент: «Разве у меня такой?! Подумайте о подходящем актере на роль товарища Сталина».

Вождь пожелал, чтобы его образ на экране воплотил кто-нибудь из русских исполнителей. Выбор пал на Алексея Дикого, который прошел не только кинопробы, но и получил одобрение самого Сталина.

Кстати, по странной прихоти судьбы исполнители роли вождя уходили из жизни вскоре после кончины Сталина. Дикий – в 1955-м, Геловани – годом позже. Причем последний скончался аккурат в день рождения своего знаменитого пер-

сонажа. Мистика, да и только!

Хлеба в то время хватало, а вот со зрелищами было намного хуже. И потому кино пользовалось необычайной популярностью. Появление каждого фильма становилось событием. Был замечен прессой и фильм «Дело Артамоновых» в постановке Григория Рошаля по одноименному роману Максима Горького. Эпизодическую роль купца Степаши Барского исполнил (точнее, он мелькнул в кадре) 17-летний Михаил Пуговкин. Его персонаж пытается «переплясать» главного героя картины.

Когда началась война, съемки прервали. Пуговкин ушел на фронт и возвратился в Москву лишь спустя два года – после тяжелого ранения. На сцене Московского театра драмы в пьесе «Москвичка» он исполнил свою дебютную роль…

Не был завершен и другой фильм – «Два друга» – о борьбе командиров Красной армии с агентами иностранной разведки. Картину раскритиковали мэтры – режиссеры Григорий Александров, Всеволод Пудовкин, Сергей Эйзенштейн, отметившие низкий художественный уровень ленты. Директор «Мосфильма» Александр Грошев дал указание доработать фильм…

Режиссер Иван Пырьев работает над музыкальной комедией «Свинарка и пастух». Первую роль в ней сыграл безвестный Владимир Зельдин и очередную – звезда советского кино Марина Ладынина. Компанию им составил известный артист Николай Крючков.

«Съемки картины проходили на Кавказе, в Домбае и Теберде, – рассказывала Ладынина. – Во время возвращения в Москву к нам в купе вошел проводник и сказал: «Простите, пожалуйста, за что купил, за то и продаю: говорят, что немец выступил против нас». Никто не поверил. И только в Харькове на вокзале мы узнали, что да – война».

«Не только мы – вся страна была в шоке, – вспоминал Зельдин. – Пырьев записался добровольцем на фронт, я тоже был мобилизован и попал в танковую школу. Однако недели через две-три нас собрали и сообщили, что согласно указанию Сталина всем нам дали бронь и приказали продолжать работать над картиной.

Заключительные сцены картины «Свинарка и пастух» снимали под немецкими бомбежками, в две смены. Наверное, этот фильм меня спас – многие мои сверстники и товарищи по танковой школе погибли на фронте».

«Одна из особенно дорогих мне картин – «Мечта», – вспоминал режиссер Михаил Ромм. – Она снималась в канун Великой Отечественной войны и закончена в ночь на 22 июня 1941 года». Действие фильма, снятого по сценарию Евгения Габриловича, происходит в 30-х годах накануне присоединения Западной Украины к СССР. Тысячи людей в поисках работы потянулись из сел и деревень в города. Героине ленты Анне повезло: ночью она работает в ресторане, а днем прислуживает в меблированных комнатах «Мечта». Хозяйка этих комнат и маленькой лавочки пани Роза Скороход –

ее роль исполняет несравненная Фаина Раневская – живет ради сына Лазаря, невезучего инженера, который находится на иждивении у матери. Впрочем, и другие герои «Мечты» тоже не преуспели в жизни: извозчик Янек, вечная невеста Ванда и ее жених, пан Коморовский.

Название картины взято с вывески тесных меблированных комнат. Герои фильма мечтают вырваться из пут беспросветной нищеты и зажить более или менее благополучно…

Обзор новинок кино 1941 года был бы неполным без фильма «Сердца четырех», снятого на «Мосфильме» Константином Юдиным. В забавном водевиле снялись молодые и красивые Валентина Серова, Евгений Самойлов, Людмила Целиковская, Павел Шпрингфельд. Однако руководство студии сочло картину чересчур легкомысленной, и потому ее выход на экраны отложили. Зрители увидели «Сердца четырех» только четыре года спустя – в начале 1945-го. Для комедии это было самое подходящее время – на горизонте уже маячила победа в Великой Отечественной.

Этот фильм и сегодня не потерял своей прелести. В нем можно увидеть довоенную Москву, в частности новостройку на Большой Калужской улице (ныне – Ленинский проспект), Ленинские горы (сейчас – Воробьевы горы), площадь Революции, набережную Москвы-реки. Герои фильма раскатывают на автомобиле новейшей марки КИМ-10-51.

Бои на зеленом поле

В дни центральных матчей народ буквально сходил с ума – от Белорусского вокзала до «Динамо» троллейбусы, автобусы, автомобили двигались черепашьим шагом, облепленные людьми. А на стадион «Динамо» надвигались пестрые отряды болельщиков – многим, увы, за неимением билетов приходилось не смотреть футбол, а слушать – за пределами кипящей чаши. Вмещала арена тогда 70 тысяч, а желающих бывало раз в десять больше!

Довоенный футбол – целый музей забытых нравов и обычаев. Полосатые штанги – иллюстрация к известной песне поэта Василия Лебедева-Кумача и композитора Исаака Дунаевского:

Эй, вратарь, готовься к бою, —
Часовым ты поставлен у ворот!
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет!

Обмен букетами капитанов – предвестник театральности зрелища – и кипы цветов от болельщиков. Потом цветы укладывали за воротами, и по их количеству угадывался фаворит. Хотя далеко не всегда он одолевал аутсайдера…

На трибуны болельщики торопились с воркующими за па-

зухой голубями. Птиц пускали ввысь, когда сетка ворот вспухала от мяча. А за пять минут до конца игры звенел гонг наподобие боксерского, гнавший в атаку тех, кто уступал в счете…

Черно-белая кинохроника поражала палитрой эмоций. Нет лишь злобы, обильно разливающейся нынче на трибунах. Тогда на скамеечках расплескивалось по стаканам горячительное и дружно отмечались голы – одни пили на радостях, другие – с горя. Но никому и в голову не приходило обидеть соседа только за то, что он болеет не за армейцев, а за «Торпедо», равнодушен к «Спартаку» или переживает за динамовцев…

22 июня

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ФИЗКУЛЬТУРЫ и СПОРТА при СНК УССР

22 июня

ОТКРЫТИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СТАДИОНА

(Красноармейская, 51-б, телеф. 3-11-44, троллейбусы №№ 1, 3, трамваи №№ 1, 9, 10, 28, А, Б).

В ПРОГРАММЕ СПОРТИВНОГО ПРАЗДНИКА:

ФУТБОЛ

(первенство Советского Союза):

МОСКВА (команда Красной Армии) — КИЕВ («ДИНАМО») (мастера).

Начало матча в 19 час.

ГИМНАСТИКА:

выступление чемпионов СССР по гимнастике тт. ИБАДУЛАЕВА, ДЕМИДЕНКО, мастеров ЧУКАРИНА, РОЙТМАНА, ЖИ, ГИЛЕВИЧА и др.

ШТАНГА:

выступление мировых рекордсменов, засл. мастеров спорта тт. КУЦЕНКО, ПОПОВА (орденоносца), мастеров НОВАКА, ХОТИМСКОГО.

СОРЕВНОВАНИЯ ПО ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ

при участии лучших легкоатлетов Киева, Харькова.

Начало спортивного праздника в 17 час. Вход на стадион — со стороны ул. Анри Барбюса (б. Прозоровская).

Открыта заблаговременная продажа билетов. Кассы: на Республиканском стадионе, в магазинах «Укрфизкультвоенспорта» — Крещатик №№ 25 и 39.

АНОНС!

26 июня на первенство СССР

ФУТБОЛ

МОСКВА («Динамо») — КИЕВ («Динамо») (мастера)

29 июня

ФУТБОЛ

СТАЛИНО («Стахановец») — КИЕВ («Динамо») (мастера)

Программа матча. 22 июня 1941 г.

Футбольный сезон 1941 года стартовал в апреле, но футбольные новости появились еще зимой. В начале января ТАСС объявило, что «значительно вырос класс советских футболистов». Этот вывод был сделан на основании прошлогоднего турне «Спартака» по Болгарии. В сентябре 1940 года красно-белые с крупным счетом обыграли сборные Софии и столичный клуб «Славия». Это событие, по мнению ведущего телеграфного агентства СССР, стало «самым крупным успехом спортивного сезона минувшего года». Конечно, это

было явное преувеличение – болгарский футбол в то время был развит слабо. Ну а наши игроки были исполнены амбиций. Спартаковец Андрей Старостин, читая лекцию в МГУ, категорично заявил: «Советский футбол добился успехов и стоит на верном пути к мировому первенству».

Многозначительное замечание. Может, СССР и впрямь собирался участвовать в чемпионате планеты 1942 года, который должен был пройти в Бразилии или в Германии? Но турнир не состоялся – полыхала Вторая мировая война…

Московские армейцы готовятся к новому сезону. Но они не только отрабатывают технику и удары по воротам, но и учатся… технике штыкового боя. Неужели собираются применить эти навыки на поле? Только на каком – футбольном или бранном?

К слову, спортсменов чтили так же, как и военных, передовиков труда, ученых. В феврале, в канун 20-летия установления советской власти в Грузии, Президиум Верховного Совета СССР наградил двух лучших футболистов республики – динамовцев Тбилиси Бориса Пайчадзе и Гайоза Джеджелаву – орденами «Знак Почета».

В командах мастеров ликвидировали должность врачей. Согласно положению о чемпионате страны 1941 года, медицинскую помощь должна была обеспечивать «физкультурная организация, на поле которой происходит соревнование». Интересно, кто лечил футболистов от ушибов и травм? Может, врачи районных поликлиник?

Число участников группы «А» увеличено до 15 команд – новичками стали динамовцы Минска и два спартаковских клуба – из Одессы и Харькова. Из расформированных московских команд «Локомотив», «Торпедо», «Металлург», «Крылья Советов» созданы первая и вторая сборные профсоюзов.

Футболисты, которые готовились к сезону на юге, жаловались на погоду. «В середине марта шли непрерывные дожди», – сообщал из Гагр форвард столичного «Динамо» Михаил Семичастный. Капризы природы нарушили планы приехавших на сбор в Одессу спартаковцев Москвы, Ленинграда, Харькова. Потоки воды низвергались с небес и в Сухуми, где тренировались столичные армейцы. Кстати, команду ЦДКА переименовали в «Красную армию».

27 апреля стартовало седьмое первенство СССР. В первом туре динамовцы грузинской столицы на переполненном тбилисском стадионе имени Берии принимали «Стахановец» из Сталино (ныне Донецк. – *В. Б.*) и уверенно победили со счетом 3:0. Одесский «Спартак» уступил «Красной армии» – 2:3. В Минске выясняли отношения местное «Динамо» и «Спартак» из Ленинграда. Хозяева одержали трудную победу – 2:1.

3 мая футбол пришел в Москву – на стадионе «Динамо» в присутствии 55 тысяч зрителей «Красная армия» встречалась с динамовцами Ленинграда. Матч получился упорным, жестким, футболисты часто переходили границы правил. Го-

сти победили со счетом 2:0. «Зная, что у Федотова (форвард москвичей. – *В. Б.*) больная рука, ленинградцы (особенно Лемешев) грубили, и в конце концов Федотов покинул поле, – отмечал «Красный спорт». – Забелин и Щербаков откровенно били друг друга по ногам, грубили Гринин, Лясковский, Шапковский. В первом тайме москвич Тарасов головой ударил Викторова, и, наконец, во втором тайме ленинградец Николаев ударил по лицу москвича Щербатенко. За этот хулиганский поступок Николаев был удален с поля. Безусловно, грубияны понесут должное наказание. Судьи же должны решительней пресекать грубость, не считаясь с именем игрока. За грубость и нетактичное поведение должны нести ответственность не только провинившиеся футболисты, но и тренер команды».

На игроков обрушились репрессии, причем такие, что нынешним нарушителям футбольного порядка не снились. Динамовец Александр Николаев был дисквалифицирован и отчислен из состава команды на год, игрока «Красной армии» Анатолия Тарасова – в будущем известного хоккейного тренера – дисквалифицировали до 15 июня.

Спустя несколько дней «Красный спорт» сообщил, что «старший тренер команды Красной армии т. Бухтеев и тренер «Динамо» М. Окунь в соответствии с решением Всесоюзного комитета от работы освобождены». Судье матча т. Онищенко ввиду того, что он «не справился со своими обязанностями, оставил безнаказанным ряд фактов недис-

циплинированности и не сумел пресечь грубость, понижена судейская категория (вместо всесоюзной – республиканская)».

Футбол, как и нынче, будоражил разум – не только болельщиков, но и самих игроков. Да так, что они порой восходили к высокой степени безумства. Во время встречи чемпионата СССР между «Стахановцем» из Сталино и столичным «Спартаком» форвард гостей Владимир Степанов обрушился с кулаками на своего опекуна Николая Красюка. Досаду нападающего можно понять, но не оправдать: хозяева разнесли оборону гостей в клочья – 3:0!

Корреспондент газеты «Социалистический Донбасс» осудил поступок москвича и выразил предположение, что «поступком Степанова заинтересуется Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта». Так и произошло: он был дисквалифицирован и в 1941 году на поле больше не появился. Уже во время войны Степанова настигла беда – он попал под трамвай…

19 июня на стадионе «Динамо» состоялся последний довоенный матч в Москве – хозяева поля, лидеры первенства Советского Союза, принимали сталинградский «Трактор». Игра, собравшая 30 тысяч зрителей, завершилась вничью – 1:1. В воскресенье 22 июня там же, на «Динамо», должны были состояться парад и массовые соревнования физкультурников.

Чемпионат Советского Союза планировалось завершить 9

ноября. Разумеется, никто не знал, что поздней осенью сорок первого года будет совсем не до футбола…

Тишина в зале

Матч-турнир за звание абсолютного чемпиона СССР по шахматам длился более двух месяцев – с последних чисел февраля по конец апреля. Соревновались шесть участников – ростовчанин Игорь Бондаревский, ленинградец Михаил Ботвинник, Исаак Болеславский из Днепропетровска, москвичи Василий Смыслов и Андрэ Лилиенталь, представитель Эстонии Пауль Керес. Первая половина соревнований проходила в здании ленинградского Дворца имени Урицкого – бывшем Таврическом, вторая – в Колонном зале столицы.

В то время шахматы были исключительно популярны. Любой мало-мальски представительный турнир вызывал большое внимание прессы, специалистов и любителей шахмат. Не стали исключением и эти соревнования. Огромный амфитеатр, балконы и ложи ленинградского дворца были заполнены зрителями, среди которых было немало гостей из-за рубежа. Интерес к турниру был вполне объясним – победитель турнира получал право на матч с действующим чемпионом мира Александром Алехиным.

Несмотря на то что в зале было многолюдно, над досками царила тишина. Специальная комиссия ленинградских мастеров под руководством гроссмейстера Григория Левенфиша во время игры комментировала для зрителей партии турнира по телефону. О встречах несколько раз в день сообща-

ло радио, в центральных газетах страны – «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Труде» – регулярно появлялись отчеты о турнирных баталиях.

После первой половины соревнований лидерство захватил Ботвинник, но впереди было еще десять туров в столице – шахматисты проводили по четыре встречи с каждым соперником. «Москвичи с нетерпением ждали начала второй половины турнира, которая после небольшой паузы (необходимой для переезда участников и судейской коллегии в Москву) была открыта 11 апреля в Колонном зале Дома союзов, – вспоминал Ботвинник. – Колонный зал, к сожалению, не телефонизирован, и комментирование пришлось прекратить. Высказывалось опасение, что поэтому в зале уже не удастся поддерживать ту полную тишину, которая была в Таврическом дворце и которая так необходима мастерам при напряженной турнирной борьбе. К чести московских шахматистов следует указать, что эти опасения были совершенно напрасными, – в Колонном зале поддерживалась образцовая тишина».

Секрет «сознательности» зрителей был прост: в Колонном зале дежурил милиционер, который прогуливался по проходу и внимательно наблюдал за зрителями. Однажды у одного из болельщиков не выдержали нервы – он что-то эмоционально выкрикнул и был немедленно выведен вон. К тому же его оштрафовали.

Ботвинник не упустил своего превосходства до конца тур-

нира и стал победителем. Он на два с половиной очка опередил Кереса, который занял второе место. Замкнул тройку призеров Смыслов, получивший за это достижение звание гроссмейстера. Он стал самым молодым обладателем этого титула в Советском Союзе. В то время ему было всего 20 лет.

Однако Ботвиннику так и не удалось встретиться с Алехиным. Сначала их соперничеству помешала Вторая мировая война, а когда она завершилась, чемпион мира неожиданно ушел из жизни. Что же касается Ботвинника, то он стал сильнейшим на планете в 1948 году, выиграв матч-турнир, проходивший в Гааге и Москве…

Стол на шестерых

После возвращения из эмиграции в СССР Марина Цветаева с сыном Георгием – домашние называли его Мур – скиталась по квартирам. Они жили в Доме творчества от Литфонда, в Москве – в Телеграфном (ныне – Архангельском. – *В. Б.*) переулке, 9, в квартире 11, потом – на Покровском бульваре, 14/5, в квартире 62. Там они занимали комнату инженера Б.И. Шукста, уехавшего с семьей на работу в Заполярье.

В Москве Цветаевой – грустно, одиноко. Муж Сергей и дочь Ариадна – в тюрьме. Рядом – Мур, но общение не получается. Чаще всего она общалась с поэтом Николаем Асеевым, он пытался ей как-то помочь.

На Мура Цветаева опереться не могла – он хоть и рядом, но мыслями далеко. Сын рослый, красивый юноша, умный, начитанный, отменно владевший французским языком. Но – черствый, холодный. Может, это была маска, защита? «Я живу мировой политикой, мировым положением, я живу судьбами Франции и Европы; я сильно переживаю все международные события, пытаясь объяснить их политическую и диалектическую взаимосвязь…» Это для Мура главное. На втором месте – личная жизнь: учеба, книги, музыка, романтические свидания, футбол и прочие увлечения. И лишь на третьем – судьба матери.

Из письма Цветаевой дочери 12 апреля 1941 года: «У нас весна, пока еще – свежеватая, лед не тронулся. Вчера уборщица принесла мне вербу – подарила – и вечером (у меня огромное окно, во всю стену) я сквозь нее глядела на огромную желтую луну, и луна – сквозь нее – на меня. С вербочкой светлошерстой, светлошерстая сама… – и даже весьма светлошерстая! Мур мне нынче негодующе сказал: «Мама, ты похожа на страшную деревенскую старуху!» – и мне очень понравилось – что деревенскую. Бедный Кот, он так любит красоту и порядок, а комната – вроде нашей в Борисоглебском, слишком много вещей, все по вертикали. Главная Котова радость – радио, которое стало – неизвестно с чего – давать решительно все. Недавно слышали из Америки Еву Кюри…»

Цветаеву приняли в профком литераторов при Гослитиздате, она пытается выпустить сборник стихов, но надежды слабы. Как и ее творческие силы – за весь 1941 год она написала всего одно стихотворение «Я стол накрыл на шестрых…». И моральные – на пределе. Страдания несчастной женщины – великого поэта XX века – усиливают коммунальные мучения. 16 февраля Мур записал в дневнике: «Сегодня у матери с соседкой Воронцовой произошел на кухне скандал, который отравил мне весь день, жалею я мать, что ей приходится жить со склочниками и мещанами. Мне-то наплевать, но мне мать жалко, очень-очень жалко. Ее так легко обидеть и уязвить!..»

И позже: «Вчера был скандал с соседями на кухне. Ругань, угрозы и т. п. Сволочи! Все эти сцены глубоко у меня на сердце залегают. Они называли мать нахалкой, сосед говорил, что она «ему нарочно вредит», и т. п. Они – мещане, тупые, «зоологические», как здесь любят писать. Мать вчера плакала и сегодня утром плакала из-за этого, говоря, что они несправедливы, о здравом смысле и т. п.».

Ну а другие поэты сочиняют. На злобу дня, как, например, Ярослав Смеляков:

Мы ждем гостей – пожалуйте учиться!
Но если ночью воющая птица
с подарком прилетит пороховым —
сотрем врага. И это так же верно,
как то, что мы вступили в сорок первый
и предыдущий был сороковым.

Стихотворение звучит оптимистично, но чувствуется какой-то тревожный подтекст. Однако иные сочинители, как другой поэт – Михаил Зенкевич, – ничуть не тревожатся, думают о простых, обыденных вещах:

Который год мечтаю втихомолку —
Сменить на книжный шкаф простую полку
И сборники стихов переплести.
О, Муза, дерзкую мечту прости!..

Напоследок короткая заметка-впечатление от Корнея Чуковского: «Позвонил дней пять назад Шолохов: приходите скорей. Я пришел: номерок в «Национале» крохотный (№ 440) – бешено накуренный, сидят пьяный Лежнев (И.Г. Лежнев – публицист, критик. – *В. Б.*), полупьяная Лида Лежнева и пьяный Ш-в… Но больно б. видеть Ш-ва пьяным, и я ушел. Сегодня я утром зашел к нему… Принял меня чудесно; говорили о детской л-ре. Оказывается, он читает все – и «Мурзилку», и «Чиж», и «Колхозные ребята»… Согласился написать для наших учебников и об охоте, и о Гражданской войне…»

Именем вождя

В 1941 году впервые были присуждены Сталинские премии. Они носили имя вождя не просто так – деньги на вознаграждения брались из гонораров Сталина за издания его трудов, в том числе за рубежом. Возможно, на поощрение лучших людей страны также уходила и часть зарплаты вождя.

22 апреля 1941 года были объявлены первые лауреаты. Это была «форма поощрения граждан СССР за выдающиеся творческие достижения в области науки и техники, военного дела, литературы и искусства, кардинальные усовершенствования методов работы производства».

На другой день «Правда» сообщила: «Председатель Комитета по Сталинским премиям В.И. Немирович-Данченко поздравил всех лауреатов с высоким званием, пожелал им дальнейших успехов в творчестве. Речь старейшего мастера советского театра была полна горячей любви к искусству и уверенностью в его дальнейшем расцвете… Первые дипломы получают композиторы – автор симфонии-кантаты «На поле Куликовом» Ю.А. Шапорин, автор знаменитого фортепианного квинтета Д.Д. Шостакович, автор оперы «В пущах Полесья» А.В. Богатырев…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.